

Выключив холодную воду и взяв полотенце, я почувствовал себя гораздо лучше, чем раньше. Я все еще был дико возбужден и чувствовал себя немного не в своей тарелке, но мир выстраивался в гораздо более ясную картину. Джослин пыталась показать мне, как должен вести себя настоящий мужчина, и я был так близок к идеалу. Стоя перед зеркалом и вытираясь толстым полотенцем, я пообещал себе, что оправдаю ее ожидания и никогда не буду воспринимать ее и привилегию нашей жизни как должное.

Частью этой привилегии для меня было обеспечение всех тех, кому в жизни нужен сильный и способный мужчина. В моей голове начали рождаться планы, простые планы по созданию общины в этом районе. Обернув полотенце вокруг себя, я повернулся к спальне, но тут увидел, что задняя дверь освещена лучами заходящего солнца.

Какой-то аромат позвал меня, и я толкнул заслон, вытесняя мысли о Барбаре из головы, когда шагнул в теплый солнечный свет и позволил ему отразиться от моей обнаженной груди и рук, согревая лицо, пока легкий ветерок трепал мои волосы.

— Привет, сосед, — позвал меня голос с томным придыханием, привлекая мой взгляд к соседскому двору.

Дворы разделял невысокий заборчик, и я мог заглянуть в соседский двор целиком. Меня приветствовала высокая блондинка со стройной фигурой и самыми длинными ногами, которые я когда-либо видел. Ноги очень эффектно подчеркивало короткое летнее платье, вечернее солнце выделяло ее восхитительные изгибы под тончайшим материалом.

Она стояла у вешалки для белья, подняв одну руку вверх, держа белую простыню, пока она пристегивала её прищепкой. Длинные светлые волосы были прямыми и блестели на плечах, как золото, резко контрастируя с рубиново-красными губами и темным загаром ее кожи. Мой взгляд невольно нырнул в её глубокое декольте, и по мере того, как я это делал, ее улыбка становилась все шире.

— Дэвид, беги в дом, мы с нашим новым соседом собираемся познакомиться, — с резкой командной ноткой обратилась женщина к мужчине, который, сидя на маленьком шезлонге и читая роман, даже не заметил меня и направления моего взгляда. Как только его жена заговорила, невысокий, грузный мужчина встал, пригнул голову и слабо улыбнулся мне, прежде чем скрыться в доме, аккуратно закрыв за собой дверь.

Я долго стоял и смотрел на женщину, когда она отпустила простыню, и та упала на траву. Ее аромат донесся до меня, когда она потянулась вверх, чтобы расстегнуть верхнюю пуговицу своего платья. В моем мозгу зазвенели тревожные колокольчики, когда мое мужское достоинство снова превратилось в колоссальное копьё, а глаза соседки распахнулись при виде неприлично топорщащегося полотенца.

— Значит, это сделала Барбара? — спросила женщина, подходя к забору и расстегивая вторую пуговицу своего сарафана, показывая круглые внутренние изгибы своих больших грудей. — Ты же не мог так уж часто бывать на озере... не так ли?

Когда я не сдвинулся с места, ее взгляд стал недоверчивым, она даже нахмурилась, разочарованная. Я знал, чего она хочет, и что во мне было желание сделать это. Взять эту незнакомку прямо на улице и сделать ее своей — это было мое право. Однако в моей голове зазвенели тревожные колокольчики, когда я почувствовал, что теряю контроль над собой. Я боролся с потребностью доминировать над этой женщиной, пробиваясь сквозь туман похоти в своем сознании к рациональному мышлению.

Сделав глубокий вдох, я заставил свой взгляд зафиксироваться на глазах женщины, отметив, что они были зелеными. Ее бесцеремонное предположение, что я сейчас перескачу через забор и отымею её, вдохнуло жизнь в угли моего гнева. Разжигая его огонь, я ухватился за него и заставил себя контролировать себя.

— Прости, — сказал я, затягивая полотенце на талии, — но я не твоя игрушка, женщина.

Мои слова ударили ее как пощечина, и она выпрямилась, не выпуская из рук платье. Она открыла рот, чтобы заговорить, но ничего не вышло, так как ее щеки покраснели.

— Прости меня, — наконец сказала она, схватившись руками за ограждение и опустив глаза, чтобы посмотреть на мой член, а затем снова на мое лицо, — я просто подумала...

— Ты думала, что я несдержанный мужчина? — сказал я, гнев помог заглушить мою похоть, как чашка кофе может приглушить алкоголь.

— Пожалуйста, — сказала она, выпрямившись и опустив платье, тщательно избегая смотреть или трогать его открытый верх, — позволь мне начать сначала... Ты меня удивил, вот и все, мы с Барбарой старые подруги. Я — Уинни Дарлингтон, а ты познакомился с моим мужем Дэвидом, — она кивнула в сторону дома. — Мы хотели поприветствовать вас в нашем районе, но брат Дэвида сейчас в больнице с очередной операцией... так или иначе... Добро пожаловать в Полсон.

Она слабо улыбнулась, пытаясь игнорировать неловкое напряжение. Звук позади меня возвестил о появлении моей свекрови. С ароматом свежего мыла и... раздражения.

— Том, — сказала Барбара, выходя на крыльцо за мной и скрипнув дверью, — ужин готов, почему бы тебе не одеться? Ты сможешь навестить соседей позже... когда они согласятся на визит... Не так ли, Уинни?

— Здравствуй, Барбара, — сказала Уинни, ее улыбка одними уголками рта стала еще более кислой. — Возможно, вам стоит еще несколько раз съездить на озеро, я не думаю, что всё сработало.

— Ты когда-нибудь видела хоть одного из них? — спросила Барбара, выгнув бровь на другую женщину. Я открыл рот, чтобы заговорить, но легкие пальцы легли на мою обнаженную поясницу, и я почувствовал запах осторожности Барбары, поэтому я придержал язык, мой

разум работал быстрее, чем когда-либо, чтобы уловить тонкие подсказки не только ее запаха, но и тона голоса, мимики и позы. — Ты переехала в город три года назад, Вин, наберись терпения.

— Ты обещала, Барбара, — сказала женщина, и я увидел, как между ними что-то промелькнуло — груз долга, не незаконного, но глубокого по смыслу. Моя свекровь кивнула, улыбаясь, но все еще с оттенком суровости.

— Я когда-нибудь нарушала свое слово? — спросила моя теща, красивая зрелая блондинка, приподняв бровь.

Уинни не ответила, но я почувствовал, как ее горячий взгляд окинул меня с ног до головы, прежде чем она развернулась, вожеление ясно ощущалось в каждом ее движении, и я почувствовал, как оно ужалило мои ноздри, когда она влетела в дом, захлопнув за собой дверь и сердитым голосом позвала мужа.

— Пойдем, Том, — сказала мне Барбара, ее глаза обеспокоено смотрели на меня. — Я уже накрыла.

— Спасибо, — сказал я, — я умираю с голоду.

Как только я это сказал, мой желудок громко заурчал, и я почувствовала себя абсолютно голодным. Я все еще чувствовала себя не совсем хорошо, мой разум все еще плавал в море похоти, но мои глаза продолжали замечать крошечные детали нашего нового дома и жизни, которые я не замечал раньше. Проходя мимо прачечной, я заметил маленькие отметки под свежей краской, и по странному расстоянию между ними на стене я легко догадался, что это, должно быть, отметки роста Джослин и ее сестры. Мой мозг обработал эти отметки, и моя память наложила их на изображения, которые я видел у Джослин в детстве, и я понял, что у ее сестры был удивительный скачок роста где-то между десятью и двенадцатью годами.

Проходя под дверным косяком, я заметил место, где строители не выровняли раму. Это было всего несколько миллиметров, и я никогда бы не заметил этого раньше, но теперь это просто бросалось в глаза. Снова и снова я замечал вещи, на которые никогда не обращал внимания, и мой мозг работал над причинами их появления. Кульминация наступила на кухне, когда я сел за стол, голова плыла от постоянного потока информации, перед дымящейся тарелкой с сырной запеканкой из макарон.

— Выглядит великолепно, — сказал я, наполовину отвлекаясь. — Спасибо за угощение.

— Конечно, — сказала Барбара, подойдя к холодильнику, чтобы достать пиво.

Когда зрелая женщина наклонилась, я заметил искривление ее позвоночника. Я изучал биологию и анатомию, но никогда не думал, что запомнил много информации, но вдруг все, что я когда-либо узнал по этому вопросу, легко всплыло в моей памяти, и я ясно увидел проблему,

с которой столкнулась Барбара.

— Твоя левая нога, — сказал я, когда она вернулась с пивом, — она у тебя болит? Может быть, немеет по ночам?

— Ну да, — ответила она с любопытствующей улыбкой, — так и есть. Последние пару недель я думаю, что спала на ней неправильно.

— После ужина я сделаю тебе массаж, — сказал я, не замечая, насколько это было не в моем характере.

— Хорошо, — сказала Барбара, слегка задыхаясь. Ее улыбка стала немного шире, но ее глаза сузились, зафиксировавшись на мне: — Том, ты хорошо себя чувствуешь? Ничего необычного с тех пор, как мы были на озере?

Я наклонился и начал запихивать в рот сливочный соус, макароны и сыр, отложив на время ее вопрос. Отчасти потому, что я был слишком голоден, чтобы ждать еще секунду — мой желудок словно прогрыз дыру в моем теле, — а также чтобы дать себе время подумать. Многое из того, что говорили Джослин, Уинни и Барбара, и взгляды, которыми они обменивались, вставало на свои места, наряду со странными маленькими мужчинами, мужей женщин в округе. Утолив голод, я поднял голову и извиняюще наклонил голову.

— Извини, — сказал я, — я действительно умираю с голоду. Я не помню, чтобы когда-либо был так голоден... или испытывал такое... странное чувство.

— Расскажи мне об этом, — сказала Барбара, отодвигая свою тарелку и наклоняясь вперед, пристально глядя на меня. — Расскажи мне, через что ты проходишь?

— Я думаю, ты уже знаешь. Джослин упоминала о... Изменении? — Я допустил легкий обвиняющий намек. — Почему бы тебе не сказать мне, что я должен чувствовать? — спросил я, подняв бровь и наслаждаясь глубоким румянцем, который залил ее щеки: — Вы с Джослин, кажется, что-то задумали и готовили между собой, и с соседскими женщинами, если я не ошибаюсь. В чем дело? Почему я слышу такие тонкие комментарии от моей жены?

Я не рассердился, но в моем тоне прозвучала суровость, которую я редко проявлял к своей жене и никогда к ее матери. Женщина откинулась назад, ее лицо на секунду напряглось от волнения, и я увидел, что она колеблется, собираясь запутаться или, возможно, солгать, но затем ее лицо сgrimасничало, и она наклонилась вперед, оперевшись на свои руки, плечи обвисли.

— Ты прав, — сказала она, — это несправедливо, что мы делаем с тобой без твоего разрешения или ведома, но ты даже не представляешь, Том!

Она подняла на меня умоляющие глаза.

— Нам **НУЖЕН** настоящий мужчина, который возьмет все в свои руки, будет главным, поведет нас в лучшее будущее...

Она покачала головой.

— Прости, на вид это не имеет никакого смысла... Позволь мне начать с самого начала, с моего милого Генри.

Я нахмурился; история её жизни и жизни её семьи не была тем ответом, который я искал, но мои новые чувства подсказали мне, что она была честна, поэтому я решил выслушать ее.

— Он был ученым на заводе, как я уже сказала. Работал над сверхсекретным проектом в сотрудничестве с правительством. Генри был прекрасным человеком, милым и заботливым мужем, но... Постепенно все изменилось. Или, может быть, все изменились, — покачала она головой, прежде чем продолжить: — Это произошло не сразу, но в течение нескольких недель он стал тише. Сначала это было чудесно, он меньше нервничал и больше не пил. Генри никогда не был помощником мне по дому, но после этого времени он делал все, что я просила.

Я нахмурился, не понимая, к чему все идет, но она подняла руку, чтобы остановить мои вопросы.

— Видишь ли, Генри был не единственным мужем в нашем городке, который изменился в лучшую сторону. Все мужчины в нем стали идеальными мужьями. Еще одна странная вещь — после этого никто не болел и не болеет. Городские больницы... врачи в них стали скучать и в конце концов были вынуждены закрыть свои клиники. Все было замечательно, кроме... ну, кроме того, что ни в тот год, ни в последующие больше в городке не рождалось ни одного ребенка.

Прелестные щеки Барбары покрылись глубоким румянцем, когда она продолжила рассказ, говоря быстро и избегая моего взгляда.